

Научная статья / Research Article

УДК 316.34

DOI: 10.14258/ssi(2026)1–03

Безопасность межконфессиональных отношений монгольского приграничья (по данным экспертных оценок)

Софья Александровна Чистякова¹

Пуревсурен Цэденбал²

Мунхбаяр Боролдой Чулуунбат³

Виктория Максимовна Максимова⁴

Алексей Сергеевич Кащенко⁵

¹РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, malyavkosofya@mail.ru, <https://orcid.org/0009–0004–2071–3953>

²Западный региональный филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия, purevsuren.khu@gmail.com, <https://orcid.org/0009–0001–7166–7553>

³Западный региональный филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия, munkh9998@gmail.com, <https://orcid.org/0000–0003–0398–1927>

⁴Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vik-maksimova88@yandex.ru

⁵РОСБИОТЕХ, Москва, Россия, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, al.cashenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009–0001–3245–0802>

Аннотация. Российско-монгольское приграничье является зоной активных социальных процессов, в том числе в сфере межконфессиональных отношений, что обуславливает изучение проблем общественной стабильности и безопасности. Рассмотрены духовные, социальные, политические, ресурсные и правовые факторы, которые влияют на безопасность межконфессиональных отношений. На основе экспертного опроса установлено, что уровень безопасности межконфессиональных отношений в приграничных районах Монголии оценивается как высокий, хотя и уступающий общенациональным показателям; при этом деструктивные формы межрелигиозных взаимодействий выражены слабо. Результаты факторного анализа позволили выявить трехкомпонентную структуру институциональных условий развития межконфессиональных отношений, в рамках которой доминирующее значение имеют административно-правовые механизмы, обеспечивающие поддержание стабильности религиозной сферы.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, приграничье, социальная безопасность, религиозная идентичность, институты религии, религии Монголии

Финансирование: публикация подготовлена в рамках проекта РФФ № 24–48–03002 «Религиозные ландшафты российско-монгольского приграничья: институциональные и сетевые механизмы конструирования религиозной и этнической идентичностей и безопасности в условиях постсекулярной реальности»

Для цитирования: Чистякова С.А., Цэденбал П., Чулуунбат М.Б., Максимова В.М., Кашченко А.С. Безопасность межконфессиональных отношений монгольского приграничья (по данным экспертных оценок) // Society and Security Insights. 2026. Т. 9, № 1. С. 47–66. doi: 10.14258/ssi(2026)1–03

Security of Inter-Faith Relations in the Mongolian Border Area (According to Expert Assessments)

Sofya A. Chistyakova¹

Purevsuren Tsedenbal²

Munhbayar Boroldoy Chuluunbat³

Victoria M. Maksimova⁴

Alexey S. Kashchenko⁵

¹ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, malyavkosofya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2071-3953>

²Western Regional School of National University of Mongolia, Khovd, Mongolia, purevsuren.khu@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7166-7553>

³Western Regional School of National University of Mongolia, Khovd, Mongolia, munkh9998@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0398-1927>

⁴Higher School of Economics, Moscow, Russia, vik-maksimova88@yandex.ru

⁵ROSBIOTECH, Moscow, Russia, Altai State University, Barnaul, Russia, al.cashenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3245-0802>

Abstract. The Russian-Mongolian border region is an area of active social processes, including interfaith relations, which creates challenges for public stability and security. This article examines the spiritual, social, political, resource, and legal factors that influence the security of interfaith relations. An expert survey revealed that the level of security of interfaith relations in the border aimags is assessed as high, although inferior to national indicators. Furthermore, destructive forms of religious interaction are weakly expressed. The results of a factor analysis revealed a three-component structure of the institutional conditions for the development of interfaith relations, within which administrative and legal mechanisms that ensure the maintenance of religious stability play a dominant role.

Keywords: interfaith relations, borderland, social security, religious identity, religious institutions, religion of Mongolia

Financial Support: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 24–48–03002. The title of the project «Religious landscapes of the Russian-Mongolian borderlands: institutional and network mechanisms of construction of religious and ethnic identities and security in conditions of post-secular reality».

For citation: Chistyakova, S. A., Tsedenbal, P., Chuluunbat, M. B., Maksimova, V. M., Kashchenko, A. S. (2026). Security of inter-faith relations in the mongolian border area (according to expert assessments). *Society and Security Insights*, 9(1), 47–66. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2026)1–03.

Введение

В приграничных регионах Сибири и Монголии исторически пересекаются интересы различных этнических и религиозных групп, осуществляется взаимопроникновение между этнокультурными общностями, что не только обуславливает культурное богатство и многообразие, но и актуализирует проблемы стабильности религиозной обстановки в связи с деструктивным влиянием отдельных групп и социальными угрозами, связанными с проходящими через границу миграционными потоками. Наблюдается возрастание научного интереса к проблеме социальных и этноконфессиональных процессов, происходящих на границе, что выразилось в появлении отдельного исследовательского направления — лимологии (Назуркина, 2011; Колосов, 2003).

В условиях трансформации веры и изменений религиозной ситуации требуется изучение не только религиозности и религиозной идентичности как внутренней стороны религии, но и внешней — взаимодействия церкви и государства, общества, верующих и неверующих, религиозных общин и т.д. Сфера межконфессиональных отношений обеспечивает возможность быть сопричастным к какой-либо группе, выполняет функцию социального ориентира, она также способна на региональном уровне нивелировать негативные эффекты проблем различного характера, хотя и очень тесно от них зависит. Важно, чтобы были разработаны механизмы, которые обеспечивают оценку защищенности различных религиозных групп, так как это позволит преодолеть барьеры, совершенствовать стратегию взаимодействия уровней власти, а также деятельность некоммерческих организаций в межкультурном диалоге, формировать равноправные отношения. В науке имеются успехи в концептуализации теоретической модели социального механизма обеспечения социальной безопасности в сфере международных и межконфессиональных отношений системой взаимодействий социальных акторов (Максимова и др., 2019).

Безопасность общества — это многогранный процесс, обеспечивающийся защитой от угроз различного характера, устойчивым развитием, поддержанием образа жизни населения, реализацией его прав, развитием культуры. От безопасности напрямую зависит социальная напряженность. Одна из таких сфер — межконфессиональные отношения. Деструктивным проявлением отсутствия межконфессиональной безопасности является проявление в обществе таких феноменов, как этнонационализм, национализм, экстремизм, терроризм, кото-

рые грозят дискриминацией и маргинализацией групп, расколом по этноконфессиональному признаку, обострением вопросов национальной и конфессиональной идентичности (Kratochvíl, Doležal, 2015). Каждый из этих феноменов представляет собой серьезную опасность, которая требует комплексного подхода к решению на уровне общества, государства и подчас международного сотрудничества.

Можно выделить несколько факторов безопасности в сфере межконфессиональных отношений.

Общечеловеческие ценности выступают связующей силой между различными религиями, поэтому проявления социальной напряженности являются показателем ценностно-мировоззренческих противоречий в обществе. Религия способствует формированию моральных и этических норм, влияющих на поведение и принятие решений, а также учитывает влияние культурных и исторических контекстов на религиозные верования и практики. Конфессия с точки зрения морали представляет собой систему ценностей, которая влияет на формирование этических установок и поведения индивидов. Учения устанавливают нормы и пределы допустимого поведения и способствуют развитию чувства ответственности (Hedstrom, Ylikoski, 2019). Отсюда следует, что сохранение и распространение традиционных, универсальных духовных ценностей, хотя и способствует определенной степени единообразия, но, главное, уменьшает экстремистский потенциал и возможность конфликтов.

Гармоничное развитие общества включает в себя ряд составляющих, важное место среди которых занимает духовное развитие. Культурно-религиозный кругозор заключается в уважительном отношении к духовной культуре своих предков и культурным особенностям представителей другой конфессии, их духу и бытию. Низкий уровень осведомленности о других религиях и культурах может способствовать формированию стереотипов и предвзятостей (Бергер, Лукман, 1995), на что также влияет воспитание и образование. Стабильность общества базируется на принятии духовных ценностей и традиций иной группы, если, как уже было отмечено, они соотносятся с общечеловеческими.

Социологами религии межконфессиональные отношения рассматриваются как фактор социальных трансформаций, общественного самосознания, а также социальных коммуникаций (Гаврилова, 2023). Социализация, социальная идентификация и другие социальные процессы влияют на многообразие форм межконфессиональных отношений, которые могут проявиться в виде конфликтов, сотрудничества, мирного сосуществования и в других формах. В этом отношении отдельно стоит остановиться на роли религиозной идентичности. Современный человек сталкивается со множеством изменчивых, конфликтующих идентичностей, что делает особенно важным поиск устойчивой основы для самоопределения — такой точкой опоры, способной ответить на вопрос «Кто я?», независимо от ролевых, социальных или индивидуальных характеристик, часто становится религиозная идентичность (Максимова, Ноянзина и Суртаева, 2022). С течением времени она усложняется и становится подверженной влиянию со-

циальных норм, однако продолжает лежать в основе базовых моделей организации общества.

Немаловажным фактором является доступ к ресурсам. Межконфессиональное неравенство ограничивает разнообразие и равноправие. Лидирующая религия (конфессия), как правило, обладает большей политической властью или влиянием, что позволяет ей продвигать и защищать свои интересы, часто ведя к систематической дискриминации других, также более популярные группы могут считать себя культурно превосходящими, что приводит к предвзятости и стигматизации последователей малых конфессий. Различия в экономическом положении между конфессиями, конечно, также влияют не только на финансовую деятельность, накопление капитала, но и на эффективность распространения, что прямо отражается на количестве неопитов. Таким образом, несправедливое распределение ресурсов актуализирует конфликты на религиозной почве, в особенности при абсолютном превосходстве одной конфессии над другими.

Тесно связаны с этим и политическая система, режим, политическая культура, общественная и гражданская активность. Религиозно-культурные различия становятся основой возникновения потенциальных противоречий между государством и религиозными движениями. Особенно острой причиной ухудшения межконфессиональных отношений является неэффективная государственная политика в отношении малых религиозных групп, а также ущемление и дискриминация по религиозному признаку (Этнологический мониторинг, 2017), поэтому немаловажным является обеспечение равноправия и свободы вероисповедания. Вместе с тем при формировании общественно-политического курса и нахождении приемлемого цивилизационного ориентира страны, отвечающего историческим предпосылкам и реалиям, необходимо учитывать оптимальное соотношение, с одной стороны, интересов граждан, в том числе религиозных групп, а с другой стороны — интересов государства, ведь для единства нации религия является хотя и важным, но не первичным параметром.

Правовые аспекты государственно-конфессиональных отношений, такие как вопросы религиозных прав и обязанностей, обеспечения религиозной свободы и управления религиозным многообразием, а также конституционно-правовые основы регулирования межконфессиональных отношений (Кошкидько, 2023) должны как соответствовать интересам государства и общества, так и обеспечивать умеренный религиозный плюрализм и защищать права человека, в том числе право не верить в бога. Процесс обеспечения национальной безопасности возлагается на органы власти, при этом он должен включать взаимодействие с институтами гражданского общества и общественными организациями.

Таким образом, основными индикаторами гармонизации межконфессиональных отношений являются отсутствие конфликтных столкновений, а также отсутствие дискриминации по религиозному признаку, возможность религиозного самоопределения и самовыражения, равный доступ к ресурсам, наличие правовой базы по защите интересов конфессий и другие.

Современные постсекуляризационные процессы в сфере свободы совести, происходящие в Монголии с начала демократических преобразований конца XX в., характеризуются усложнением конфессиональной структуры и институциональной среды. К числу значимых тенденций можно отнести активизацию прозелитарной деятельности, распространение деноминаций и новых религиозных движений, поддержку зарубежными акторами религиозных организаций в качестве инструментов «мягкой силы», что особенно актуализируется в связи с демографическими изменениями, происходящими в монгольском обществе (Актамов, Бадмацыренов и Цэцэнбилэг, 2025; Цыбыкдоржиев, Батоева, 2014). Наиболее важный процесс — это динамичное возрастание роли буддизма как основания национальной консолидации и одного из важнейших элементов гражданской идентичности (Романова и др., 2015; Актамов, Бадмацыренов и Цэцэнбилэг, 2025). Вместе с тем под воздействием глобализационных процессов происходит переосмысление и адаптация традиционных идей, приводящих к трансформации религиозных практик (Жуков, 2016). В регионах исторического размещения нетитульного народа и этнических меньшинств, прежде всего на западе и севере страны, сохраняется крепкая связь между этнической принадлежностью и вероисповеданием (Ванчикова, Цэдэндамба, 2014). В общественной повестке формируются стереотипы об экстремистском потенциале отдельных религий (Дашковский и др., 2022).

Такие процессы формируются не только под воздействием внутренних политических и социальных факторов, но и в результате трансграничного взаимодействия: приграничное положение аймаков усиливает проницаемость культурных и религиозных границ, способствуя, с одной стороны, развитию межконфессионального взаимодействия, а с другой — возникновению рисков напряженности.

Данные и методы исследования

С целью изучения данных о состоянии межконфессиональных отношений, их безопасности, стабилизирующих и дестабилизирующих факторах религиозного диалога, а также для оценки институциональной среды российско-монгольского приграничья и ее возможностей был проведен экспертный стандартизированный опрос. Сбор информации проводился в Монголии в 2024–2025 гг. в гибридном формате, сочетающем онлайн- и офлайн-интервьюирование. Помимо вопросов с выбором вариантов ответа экспертная анкета содержала открытые вопросы. Участие приняли 102 эксперта, работающих в сфере науки и образования, культуры, госслужащие, административные и управленческие кадры. Критерием для отбора участников являлись, помимо профессионального статуса, проживание и работа на территории приграничных монгольских аймаков (регионов) Баян-Улгий, Ховд, Хувсгел и Сэлэнгэ. Выбор аймаков для данного исследования соответствовал территориальным рамкам научного проекта (граница с Российской Федерацией по Республике Алтай, Республике Тыва, Республике Бурятия, Забайкальскому краю), кроме того, он определялся этноконфессиональным разнообразием проживающего населения.

Обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics 27, использовались методы описательной статистики с проверкой статистической достоверности, структура институциональных условий исследовалась на основе факторного анализа методом главных компонент с критериями КМО и сферичности Бартлетта, иерархичность структур производилась с использованием агрегирования факторных величин в региональном разрезе, также она была перенесена на двумерную диаграмму рассеяния.

Результаты

Межконфессиональные отношения являются значимым компонентом общественной безопасности, так как религиозная сфера тесно связана с вопросами социальной стабильности, поэтому при оценке безопасности межконфессиональных отношений нельзя игнорировать и иные процессы, в том числе на локальном уровне. Респондентам предлагалось ответить на вопросы: «Как Вы можете оценить состояние безопасности в Монголии в целом?» и «Как Вы можете оценить состояние безопасности в Вашем регионе?». Эксперты неравномерно оценивают уровень безопасности в Монголии и в аймаке: «очень высоко» 7,5% и 9,4% соответственно, «высоко» 41,9% и 29,2%, «средне» 37,6% и 38,5%, «низко» 5,4% и 15,6%, «очень низко» 4,3% и 5,2%, затруднились ответить 3,2% и 2,1%, таким образом, безопасность в аймаке оценивается несколько ниже, чем безопасность в стране. Примечательным является сопоставление оценок уровней оценки общемонгольской и региональной безопасности в разрезе аймаков (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопросы: «Как Вы можете оценить состояние безопасности в Монголии в целом?» и «Как Вы можете оценить состояние безопасности в Вашем регионе?» в региональном разрезе, %

Table 1

Distribution of responses to the questions: “How would you rate the state of security in Mongolia as a whole?” and “How would you rate the state of security in your region?” by region, %

Состояние безопасности	Баян-Улгий		Сэлэнгэ		Ховд		Хувсгел	
	в стране	в регионе	в стране	в регионе	в стране	в регионе	в стране	в регионе
Очень высокая	3,0	3,2	0,0	0,0	15,2	20,6	4,5	4,5
Высокая	40,0	41,9	37,5	33,3	42,4	23,5	45,5	18,2
Средняя	43,3	29,0	62,5	55,6	24,2	26,5	40,9	63,6
Низкая	0,0	9,7	0,0	11,1	9,1	23,5	9,1	13,6
Очень низкая	6,7	12,9	0,0	0,0	6,1	2,9	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	6,7	3,2	0,0	0,0	3,0	2,9	0,0	0,0

Исходя из сопоставлений в региональном разрезе в оценке степени уровня безопасности, стоит выделить, что в Баян-Улгие эксперты оценивают безопасность в регионе хуже, чем в Монголии, как и данные ответов экспертов из Сэлэнгэ. Эксперты немного более чем на 10% оценивают выше безопасность в стране над безопасностью в Ховде, на относительно низкую безопасность в котором также указывают данные. В Хувсгеле есть смещение средних и негативных оценок в регионе над оценками по стране. Таким образом, в целом эксперты выделяют разрыв между уровнями и оценивают безопасность в своих регионах хуже, чем безопасность в стране, считая ее преимущественно средней или низкой. Более низкие региональные оценки могут свидетельствовать о наличии факторов напряженности локального уровня, несмотря на более стабильную обстановку в стране, что актуализирует выявление таких факторов разрыва.

Эксперты связывают уровень безопасности общества преимущественно с факторами, имеющими социально-экономическую (материальное благосостояние, образование, институт семьи и др.), политическую (стабильность курса развития страны, правоохранительная система, развитость публичных институтов) и нравственную основу (мораль, воспитание и т.д.) (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, которые сильнее всего влияют на уровень безопасности в обществе, %

Table 2

Factors that most influence the level of safety in society, %

Фактор	Доля
Уровень образования населения	49,5
Стабильный курс развития общества, нации	30,9
Состояние морали и нравственности в обществе	30,9
Уровень материального благосостояния граждан, качество жизни	24,7
Сильный институт семьи, поддержка семейных ценностей	17,5
<i>Деятельность религиозных организаций, церкви, священнослужителей</i>	16,5
Деятельность правоохранительных органов и иных силовых структур	14,4
Наличие в обществе независимых от государства общественных структур, способных защитить интересы граждан	12,4
Наличие культуры доверия, гармоничных взаимоотношений между людьми, общий уровень культуры населения	10,3
Эффективность системы воспитания, социализации молодежи	8,2
Наличие институтов саморазвития, культуры и досуга, развитость дополнительного образования и т.п.	3,1
Степень развитости демократических институтов	2,1
Затрудняюсь ответить	5,2

Несмотря на вторичное положение оценки «Деятельность религиозных организаций, церкви, священнослужителей» по отношению к другим, она все же выступает важным фактором безопасности (16,5%), а активность религиозных организаций опосредованно, через морально-нравственные установки и развитие традиционных институтов, вносит вклад в стабильность общества.

Около трети респондентов (35,6%) считают, что приграничное положение влияет на проявление религиозности населения, в то время как 64,4% придерживаются противоположной точки зрения. Такое различие свидетельствует о разнице в интенсивности происходящих трансграничных процессов в зависимости от региона, особенностей этноконфессионального состава, институциональной среды. Вместе с тем эксперты отмечают различные процессы в области этноконфессиональных отношений, которые происходят на приграничных с Россией территориях (табл. 3).

Почти половина респондентов отметила переход из одной веры в другую вследствие межконфессиональных браков, перехода населения от одного вероисповедания в другое — 49,4%. Эксперты также часто указывают на появление и сосуществование различных форм разнообразия: «сложный религиозный состав населения (представители разных религий и конфессий проживают совместно и интенсивно взаимодействуют)» — 30,3%, «своеобразный религиозный ландшафт населенных пунктов, в городах и селах можно видеть храмы и другие культовые сооружения разных религий» — 25,8%. Не так часто эксперты указывают на влияние миграционных процессов: «много приезжих из России, исповедующих православие, — 10,1%», «много приезжих буддистов и последователей традиционных религий из Тувы, Алтая, Бурятии, Хакасии и других национальных республик России — 16,9%», «происходят интенсивные контакты местного населения с мусульманскими общинами в Казахстане (через российско-монгольскую границу)» — 11,2%. В области духовного просвещения процессы были слабо отмечены: «проводятся религиозные мероприятия (праздники, ритуалы) с участием верующих разных конфессий» — 15,7%, «развивается религиозный туризм, паломничество местного населения в храмы и монастыри Монголии» — 6,7%, «проводится активная миссионерская деятельность духовных деятелей из Монголии» — 1,1%. Редко отмечается межгосударственное взаимодействие организаций: «активно развиваются связи между религиозными организациями России и Монголии в области подготовки духовенства, религиозного образования» — 5,6%, «функционируют международные религиозные организации, ассоциации» — 9%. Нейтральный ответ — «члены религиозных общин компактно проживают в отдельных поселениях и слабо взаимодействуют друг с другом» — 14,6%. Вместе с тем отмечены и негативные тенденции: «повышенная конфликтность из-за противоречий в религиозных взглядах населения» — 2,2%.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие особенности имеет религиозная ситуация в приграничных с Монголией регионах России?», %

Table 3

Distribution of responses to the question: “What are the characteristics of the religious situation in the Russian regions bordering Mongolia?”, %

Процесс	Доля
Межконфессиональные браки, переход населения от одного вероисповедания к другому	49,4
Сложный религиозный состав населения (представители разных религий и конфессий проживают совместно и интенсивно взаимодействуют)	30,3
Своеобразный религиозный ландшафт населенных пунктов, в городах и селах можно видеть храмы и другие культовые сооружения разных религий	25,8
Много приезжих буддистов и последователей традиционных религий из Тувы, Алтая, Бурятии, Хакасии и других национальных республик России	16,9
Проводятся религиозные мероприятия (праздники, ритуалы) с участием верующих разных конфессий	15,7
Члены религиозных общин компактно проживают в отдельных поселениях и слабо взаимодействуют друг с другом	14,6
Происходят интенсивные контакты местного населения с мусульманскими общинами в Казахстане (через российско-монгольскую границу)	11,2
Много приезжих из России, исповедующих православие	10,1
Функционируют международные религиозные организации, ассоциации	9,0
Развивается религиозный туризм, паломничество местного населения в храмы и монастыри Монголии	6,7
Активно развиваются связи между религиозными организациями России и Монголии в области подготовки духовенства, религиозного образования	5,6
Повышенная конфликтность из-за противоречий в религиозных взглядах населения	2,2
Проводится активная миссионерская деятельность духовных деятелей из Монголии	1,1

И хотя эксперты отмечают достаточно активные и многогранные процессы, происходящие в сфере межнациональных отношений, заметно, что такие формы, как межнациональные браки, мозаика религиозного и национального состава, миграционные процессы, не носят характер государственного вмешательства, т.е. такие социальные процессы происходят независимо и саморегулируются, в то время как поддержание согласия и мира, развитие религий, миссионерская деятельность и проч., отодвигаемые экспертами на второй план, при этом требуют определенной поддержки со стороны государства и общественных институтов.

Таким образом стоит отметить, что религиозная ситуация в приграничных с Россией аймаках Монголии, по мнению экспертов, в целом не носит деструктивного или конфликтогенного характера, во всяком случае, сниженная в сравнении с национальной региональная безопасность может быть объяснена факторами иной природы, нежели отрицательным взаимодействием религий.

Переходя к религиозной безопасности, стоит отметить, что мнения респондентов в большинстве своем не являются противоположными, они достаточно положительно оценивают как религиозную обстановку, так и взаимодействие таких организаций с обществом. В подтверждение этого тезиса, отвечая на открытый вопрос: «Случались ли в течение последних лет серьезные конфликты между людьми разных вероисповеданий или в связи с деятельностью религиозных организаций, которые вызвали общественный резонанс? Приведите, пожалуйста, конкретные примеры», только 3% экспертов отметили наличие конфликтов или тенденций, которые бы нарушали межэтническое спокойствие.

Подавляющее большинство (97,8%) экспертов отмечают положительное состояние отношений между людьми различных вероисповеданий. Так, 39,1% отметили их доброжелательность, более половины (54,3%) — «нормальные, бесконфликтные», оценивают как «напряженные, конфликтные» 4,3%, и 2,2% респондентов рассматривают их как «взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения».

В региональном разрезе эксперты преимущественно позитивно оценивают состояние отношений между людьми разных вероисповеданий в аймаке: так, доброжелательными их назвали респонденты из Баян-Улгия (53,6%) и Ховда (41,2%), нормальными и бесконфликтными оценивает большинство во всех аймаках (75% в Сэлэнгэ, 63,6% в Хувсгеле, 55,9% в Ховде), кроме Баян-Улгий (39,3%). Больше всего отмечают напряжение в Сэлэнгэ (12,5%) и Хувсгеле (9,1%). Расценили отношения как взрывоопасные и потенциально конфликтные 3,6% в Баян-Улгии и 2,9% в Ховде (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, отношения между людьми различных вероисповеданий в Вашем аймаке?», %

Table 4

Distribution of responses to the question: “What, in your opinion, are the relations between people of different faiths in your aimak?”, %

Характер отношений	Баян-Улгий	Сэлэнгэ	Ховд	Хувсгел
Доброжелательные	53,6	12,5	41,2	27,3
Нормальные, бесконфликтные	39,3	75,0	55,9	63,6
Напряженные, конфликтные	3,6	12,5	0,0	9,1
Взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения	3,6	0,0	2,9	0,0

Отвечая на вопрос: «Какие религиозные организации наиболее распространены, активны в Вашем регионе?», эксперты прежде всего отмечают широкое распространение буддизма, имеется одна позиция, что буддизм получает государственную поддержку, что и помогает ему удерживаться и распространяться. В отношении христианства (протестантизма) эксперты отмечают его успехи по охвату аудитории в силу того, что у них велики материальные ресурсы, что, в свою очередь, привлекает разные категории населения: *«Христианство стремительно растет. Христианские организации считаются имеющими большее влияние на власть, поскольку у них большие финансирования, о чем свидетельствует строительство церквей на государственных землях, что часто используется для предоставления земельных участков для религиозных целей»*, *«Церкви Христа привлекают молодежь проводить свободное время»*, *«Христианских церквей стало гораздо больше, и они привлекают много бедных людей, потому что у них много денег»*. Эксперты также отмечают распространение и актуализацию направлений, сочетающих черты шаманизма, зороастризма и традиционных верований, по замечанию одного эксперта, не зависящих и не влияющих на власть. Эксперты из Баян-Улгия отмечают распространение ислама, что можно связать с проживанием на территории казахов и косвенно — близостью к Кош-Агачскому району Республики Алтай. Три эксперта дополнительно отметили гармоничность сосуществования религиозных направлений.

Повторимся, что, несмотря на превалирование буддизма, в аймаках распространяются и иные религиозные направления. Отвечая на вопрос «Если в Вашем регионе распространяются нетрадиционные (новые для Вашей местности) религии, как Вы думаете, какая доля населения их поддерживает?», 67,4% экспертов отмечают, что следуют таким подходам лишь отдельные немногочисленные граждане, 23,3% отводят определенным социальным группам и 9,3% полагают, что охват таких религий населением довольно существен (по оценкам отдельных экспертов, от 10% до 50%). К социальным группам, среди которых имеются тенденции, указанные во втором пункте, эксперты относят безработных или людей с низким доходом, а также получающих поддержку от религиозных организаций, например христианского толка.

На вопрос о деятельности религиозных организаций и групп эксперты преимущественно отмечали положительные эффекты (табл. 5).

Так, высокую роль эксперты отводят духовно-нравственным и ценностным эффектам, таким как сохранение традиционной религиозной культуры (51,6%), формирование духовной безопасности (36,6%), поддержание религиозных добродетелей и нравственной чистоты, распространение религиозных ценностей и норм (28,0%), воспитание толерантности к другим верованиям (31,2%), удовлетворение потребностей населения в духовном развитии и самосовершенствовании (14,0%). Среди негативного влияния — распространение религиозного фанатизма, экстремизма, опирающихся на идеи традиционных религий (10,8%), противостояние государственным институтам в борьбе за власть, влияние на население (14%), стремление к слиянию интересов церкви и государства с целью

оказания влияния на развитие общества (11,8%), усиление разрозненности населения, формирование угроз духовной сплоченности и единству нации (7,5%), чрезмерный контроль населения со стороны религиозной группы или религиозных лидеров (14,0%). 11,8% отметили, что религиозные организации не оказывают существенного влияния на население.

Таблица 5

Основные эффекты деятельности религиозных организаций и религиозных групп в Монголии

Table 5

The main effects of religious organizations and religious groups in Mongolia

Эффекты	Доля, %
Сохранение традиционной религиозной культуры	51,6
Формирование духовной безопасности	36,6
Воспитание толерантности к другим вероучениям	31,2
Поддержание религиозных добродетелей и нравственной чистоты, распространение религиозных ценностей и норм	28,0
Удовлетворение потребностей населения в духовном развитии и самосовершенствовании	14,0
Противостояние государственным институтам в борьбе за власть, влияние на население	14,0
Чрезмерный контроль населения со стороны религиозной группы или религиозных лидеров	14,0
Стремление к слиянию интересов церкви и государства с целью оказания влияния на развитие общества	11,8
Религиозные организации не оказывают существенного влияния на население	11,8
Распространение религиозного фанатизма, экстремизма, опирающихся на идеи традиционных религий	10,8
Усиление разрозненности населения, формирование угроз духовной сплоченности и единству нации	7,5

Если влияние религиозных организаций на общество респондентами указывалось преимущественно положительное, то оценка влияния на них со стороны государства не является однозначной: четверть экспертов полагает, что влияние государства излишне, 10,3% считают, что влияние слишком большое, 11,8% — немного больше, чем необходимо; умеренных позиций (ровно столько, сколько необходимо для соблюдения правовых рамок) придерживается 27,6%; более 30% полагают, что влияние низкое, а именно немного меньше, чем необходимо, — 16,1%, слишком мало — 18,4%; 11,5% отмечают в целом отсутствие влияния на религию; и 2% затруднились ответить. Такие различия в ответах экспертов, вероятно, можно объяснить разными профессиональным опытом, отношением к политическим институтам и власти, нахождением в разной социальной среде,

личным мнением и симпатиями и др. Помимо таких субъективных объяснений, неравномерность ответов также могла свидетельствовать об особенностях взаимодействия власти с духовными институтами и обществом, а также об обстановке в аймаках.

Для оценки институциональных условий функционирования и развития межконфессиональных отношений экспертам предлагалось оценить 15 разных условий по шкале от 1 до 10, где «1» — наименее выражено, «10» — наиболее выражено. Произведена оценка социальных условий для сохранения и развития духовной безопасности, внутри- и межконфессиональных условий, административно-политических условий.

В результате факторного анализа была получена трехфакторная структура, которая объясняет 63,9% общей дисперсии переменных.

Первый фактор ($\lambda=5,9$, 42,5%) описывает административно-правовые условия, благодаря которым легитимизируется деятельность религиозных организаций, реализуются охранительные функции социальных институтов в религиозной сфере. К этому фактору относятся условия, связанные с открытой деятельностью организаций в рамках закона («все религиозные организации осуществляют свою деятельность открыто, в соответствии с законами» (0,84)), их участие в жизни общества («религиозные организации, представляющие различные религии и конфессии, активно проявляют себя в жизни общества» (0,77)) и диалоге с властью («руководство региона ведет открытый и публичный диалог с лидерами религиозных организаций» (0,73)), защита от деструктивных групп («граждане защищены от негативного влияния запрещенных сект, экстремистских организаций» (0,77)), поддержка духовных ценностей верующих («в регионе созданы условия для защиты духовных ценностей верующих, граждане терпимы к иноверцам» (0,65)) и традиционных групп («традиционные религиозные организации имеют сильные позиции и опираются на широкое сообщество единоверцев» (0,65)). Доминирование этого фактора может указывать на то, что восприятие межконфессиональных отношений у экспертного сообщества фокусируется прежде всего на роли государства, нежели на гражданской активности и кооперации, — государство выступает ключевым актором, одновременно регулирующим, поддерживающим и структурирующим религиозное поле. Обращает на себя внимание факт, что охранительные, или в какой-то степени «рамочные», функции направлены на возможности доминирования традиционных религий. Несмотря на то что эксперты указывают на отсутствие притеснений новых религиозных движений, они также отмечают и их возрастающую активность, что, возможно, в условиях некоторых ограничений может повысить уровень межконфессионального напряжения в будущем.

Второй фактор ($\lambda=1,8$, 13,1%) отражает степень развитости институциональных механизмов, обеспечивающих кооперацию, представительство и защиту этноконфессиональных интересов населения. Фактор включает показатели объединения людей для защиты национальных интересов («жители объединяются, чтобы вместе защищать национально-культурные интересы» (0,73)), конфесси-

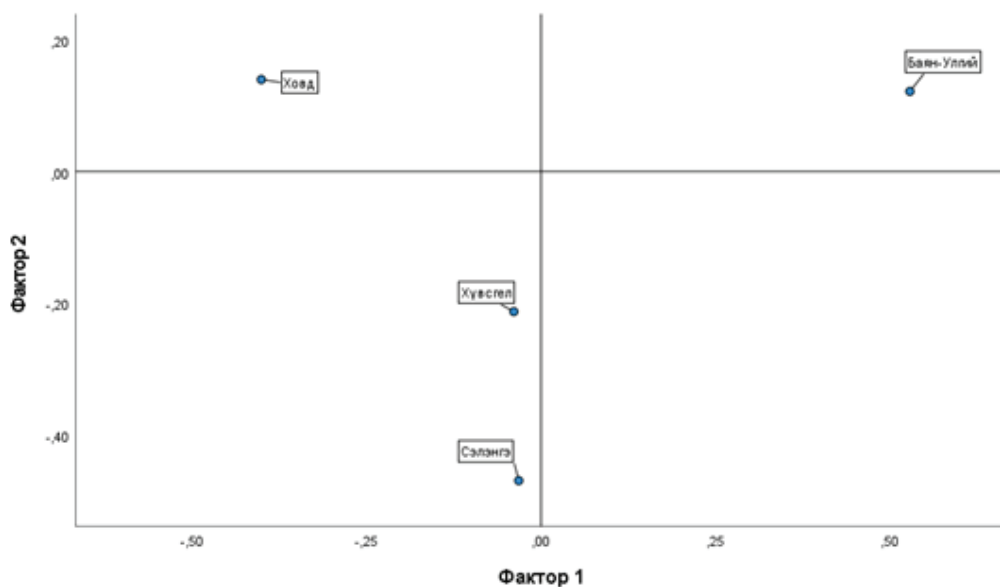
ональных взглядов («жители объединяются, чтобы вместе защищать религиозные взгляды» (0,76)), поддержку их интересов со стороны власти («органы власти бескомпромиссно и на деле отстаивают интересы всех жителей независимо от национальности и вероисповедания» (0,64)), разрешение конфликтов («органы власти региона успешно разрешают возникающие конфликты в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений» (0,57)) и развитие инфраструктуры для религиозной деятельности («создано комфортное пространство для представителей всех религий, много мест отправления культа, поклонения и молитвы» (0,70)) и образования («образовательная система обеспечивает условия для духовного образования и воспитания молодежи, включая религиозное образование» (0,61)). Здесь общественная активность строится на религиозной и этнической идентичности как объединяющих факторах представительства интересов и включении ее в существующую систему, в свою очередь, инфраструктура воспринимается как неотъемлемое условие межконфессионального мира, а не как второстепенный ресурс, поэтому доступ к ней является в определенной степени формой профилактики столкновений и конфликтов. Тем не менее такая конфигурация способности общества и институтов совместно обеспечивать представительство и защиту групповых интересов в религиозной сфере оценивается ниже, чем непосредственно влияние государства «сверху». При наличии разных форм самоорганизации она еще не обладает полной автономией и во многом зависит от государственных механизмов, что, впрочем, указывает на наличие потенциала дальнейшего развития.

Третий фактор ($\lambda=1,2$, 8,3%) описывает гармоничность религиозной сферы — это свобода совести («реализуется право на свободу совести и вероисповедания, религиозные взгляды и убеждения, включая отказ от религии» (0,79)) и отсутствие конфликтов на религиозной почве («между конфессиями и религиями нет конфликтов, противостояния» (0,76)). Учитывая небольшой вес данного фактора, можно отметить, что гармоничность межконфессиональных отношений в глазах экспертов является скорее следствием проводимой политики, чем индикатором общественных отношений, т.е. акцент ставится не на наличие или отсутствие конфликтов, а на условия, управление и механизмы, которые, в свою очередь, обеспечивают межконфессиональную безопасность.

В двумерном пространстве институциональных условий функционирования и развития межконфессиональных отношений, построенном на основе первого и второго факторов, имеются региональные отличия (рис.).

Так, в аймаке Баян-Улгий в структуре институциональных условий наиболее выражен первый фактор, отражающий государственные рамки и меры, и менее значим второй, отражающий кооперацию общества и инфраструктуру, — т.е. устойчивость межконфессиональных отношений обеспечивается иерархичностью и в большей степени за счет государственных механизмов при умеренном развитии общественных форм взаимодействия. Противоположная ситуация в Ховде, где первый фактор отрицательный, но при этом структурно ведущий — в аймаке слабое воздействие административно-правового регулирования, кото-

рое компенсируется системой социальных взаимодействий. В Хувсгеле и Сэлэнгэ и первый, и второй факторы отрицательные, но в их структуре более значим второй — это свидетельствует о недостаточной развитости как государственных, так и социальных механизмов (особенно в Сэлэнгэ), последние в большей степени влияют на ослабление среды и ограничения институциональных условий.

Пространство институциональных условий, состоящее из двух факторов
The space of institutional conditions, represented by two factors

Учитывая относительно высокий уровень объясненной дисперсии при трехфакторной структуре, можно сделать вывод, что ключевыми элементами, формирующими институциональные условия развития и безопасности межконфессиональных отношений, выступают административно-правовые механизмы. Именно они задают рамку функционирования религиозной сферы, обеспечивая ее безопасность, управляемость и предсказуемость. Эти механизмы сочетают как невмешательство во внутренние дела религиозных организаций и гарантию свободы совести, так и защиту от деструктивных проявлений. Вместе с тем умеренные оценки активности религиозных организаций свидетельствуют о том, что соответствующие социальные институты находятся на стадии формирования, хотя и вписываются в существующие управленческие механизмы. Это позволяет говорить о наличии потенциала дальнейшего развития, прежде всего в направлении усиления самостоятельности религиозных акторов и расширения их участия в общественной жизни, и его нужно раскрыть и направить в соответствующее духовным потребностям общества и вызовам русло, тем более что эксперты отмечают преимущественно положительные эффекты от текущей религиозной активности.

Заключение

Результаты исследования показывают, что экспертное сообщество в целом положительно оценивает состояние межконфессиональных отношений в монгольском приграничье, отмечая их устойчивость и относительно высокий уровень безопасности. В то же время выявленные в ходе анализа возможности развития данной сферы указывают на ее значительный потенциал как ресурса стабильного социокультурного развития территорий и укрепления социального капитала.

Наряду с этим ряд зафиксированных респондентами процессов, в частности распространение различных религиозных течений и расширение сфер их влияния, представляются значимыми и требуют дальнейшего внимания со стороны специалистов и экспертного сообщества.

Также, на наш взгляд, имеется определенный потенциал активности религиозных организаций, который при соответствующих институциональных условиях и поддержке со стороны государства может быть более полно задействован в интересах общественного развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Актамов И. Г., Бадмацыренов Т. Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии в конце XX — начале XXI в. // Народы и религии Евразии. 2025. 1. 137–150.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Ванчикова Ц. П., Цэдэндамба С. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2014. № 3. 67–72.

Гаврилова Ю. В. Государственно-религиозные отношения в системе безопасности России // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 2. С. 86–95.

Дашковский П. К., Гантуяа М., Шершнева Е. А., Бурэнелзий И. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022. № 1. 72–89.

Жуков А. В. Факторный анализ становления монгольской религиозности // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2016. № 2. 154–160.

Колосов В. А. Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3. С. 44–59.

Кошкидько В. Г. Лучшие муниципальные практики в сфере реализации государственной национальной политики по итогам всероссийских конкурсов в 2018–2022 гг. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. Т. 20, № 4. С. 103–118.

Максимова С. Г., Ноянзина О. Е., Суртаева О. В. Оценка институциональных условий духовной безопасности приграничных регионов // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2022. Т. 1. № 11. С. 201–209.

Максимова С. Г., Суртаева О. В., Ноянзина О. Е., Омельченко Д. А. Концептуальная модель социального механизма обеспечения социальной безопасности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в условиях трансформации миграционных процессов // *Society and Security Insights*. 2019. Vol. 2, № 1. С. 13–30.

Михалев А. В. Цивилизационная безопасность и проблемы вызовов постсекуляризма в современной Монголии // *Власть*. 2014. № 7. 64–69.

Назуркина М. В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // *Регионоведение*. 2011. № 4. С. 13–19.

Романова И. В., Зимин О. И., Жуков А. В., Жукова А. А. Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии // *Вестник ЗабГУ*. 2015. № 4. С. 95–102.

Цыбикдоржиев Д. В., Батоева Д. Б. Факторы успеха религиозного возрождения в Монголии // *Власть*. 2014. № 5. 40–44.

Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России. М.: ИЭА РАН, 2017. 514 с.

Hedstrom P., Ylikoski P. Causal mechanisms in the social sciences // *Annual Review of Sociology*, 2010. № 36. 49–67.

Kratochvíl P., Doležal T. The European Union and the Catholic Church: Political Theology of European Integration. Palgrave MacMillan, 2015. 217 p.

REFERENCES

Aktamov, I. G., Badmacyrenov, T. B., Czeczenbileg, Cz. (2025). Buddhism and Post-Secular Society: Socioreligious Processes in Mongolia in the Late 20th — Early 21st Century. *Narody i religii Evrazii*. 1, 137–150. (In Russ.).

Berger, P., Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.).

Vanchikova, Ts. P., Tsedendamba, S. (2014). Religious situation in Mongolia: 1990–2009. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Istorija, politologija*, 3, 67–72. (In Russ.).

Gavrilova, Yu. V. (2023) State-religious relations in the Russian security system. *Gumanitarnyj vektor*, 18(2), 86–95. (In Russ.).

Dashkovskij, P. K., Gantuyaa, M., Shershneva, E. A., Burenelzj, I. (2022). Religious processes in Mongolia (based on the results of a sociological study). *Narody i religii Evrazii*. 1, 72–89. (In Russ.).

Zhukov, A. V. (2016). Factor analysis of the development of Mongolian religiosity. *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Filosofija, kul'turologija*. 2, 154–160. (In Russ.)

Kolosov, V. A. (2003). Theoretical Limology: New Approaches. *Mezhdunarodnye processy*, 3, 44–59. (In Russ.).

Koshkidko, V. G. (2023). Best municipal practices in the implementation of state national policy based on the results of all-Russian competitions in 2018–2022. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 20(4), 103–118. (In Russ.).

Maksimova, S. G., Noyanzina, O. E., Surtaeva, O. V. (2022). Assessment of institutional conditions for spiritual security in border regions. *Social'naya integraciya i razvitie etnokul'tur v evrazijskom prostranstve*, 1(11), 201–209. (In Russ.)

Maksimova, S. G., Surtaeva, O. V., Noyanzina, O. E., Omel'chenko, D. A. (2019). A conceptual model of a social mechanism for ensuring social security in the sphere of interethnic and interfaith relations in the context of the transformation of migration processes. *Society and Security Insights* 2(1), 13–30. (In Russ.)

Mikhalev A. V. (2014). Civilizational security and the challenges of post-secularism in modern Mongolia. *Vlast'*, 7, 64–69. (In Russ.)

Nazurkina, M. V. (2011). Structural levels of regional identity in modern Russia. *Regiologiya*. 4, 13–19. (In Russ.)

Romanova, I. V., Zimin, O. I., Zhukov, A. V., Zhukova, A. A. (2015). Religious myth-making in the political life of modern Mongolia. *Vestnik ZabGU*, 4, 95–102. (In Russ.)

Tsybikdorzhiev, D. V., Batoeva, D. B. (2014). Factors of Success of Religious Revival in Mongolia. *Vlast*, 5, 40–44. (In Russ.)

Ethnological monitoring: developing fundamental approaches to ethnopolitical monitoring to optimize interethnic relations and prevent conflicts in Russia. (2017). Moscow: IEA RAN. (In Russ.).

Hedstrom, P., Ylikoski, P. (2010) Causal mechanisms in the social sciences. *Annual Review of Sociology*, 36, 4–67.

Kratochvíl, P., Doležal, T. (2015). *The European Union and the Catholic Church: Political Theology of European Integration*. Palgrave MacMillan.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Софья Александровна Чистякова — младший научный сотрудник, РОС-БИОТЕХ, г. Москва, Россия; аспирант кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия; преподаватель кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Sofya A. Chistyakova — Junior Researcher, ROSBIOTECH, Moscow, Russia; postgraduate student of the Department of Social and Youth Policy of the Altai State University, Barnaul, Russia; Lecturer at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Пурэвсүрэн Цэденбал — д-р филос. наук, профессор, ректор Западного регионального филиала Монгольского государственного университета, г. Ховд, Монголия.

Purevsuren Tsedenbal — Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Rector, Western Regional School of National University of Mongolia, Hovd, Mongolia.

Мунхбаяр Боролдой Чулуунбат — канд. ист. наук, доцент, преподаватель кафедры общественно-гуманитарных наук Западного регионального филиала Монгольского государственного университета, г. Ховд, Монголия.

Munhbayar Boroldoy Chuluunbat — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities, Western Regional School of National University of Mongolia, Hovd, Mongolia.

Виктория Максимовна Максимова — студент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия.

Victoria M. Maximova — student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Алексей Сергеевич Кашенко — научный сотрудник, РОСБИОТЕХ, г. Москва, Россия; директор центра трансфера технологий и управления интеллектуальной собственностью Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Alexey S. Kashchenko — Research Scientist, ROSBIOTECH, Moscow, Russia; Director of the Center for Technology Transfer and Intellectual Property Management, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026;
одобрена после рецензирования 15.03.2026;
принята к публикации 15.03.2026.
The article was submitted 02.02.2026;
approved after reviewing 15.03.2026;
accepted for publication 15.03.2026.